

Чэнь Цзыму не хотел снова вызывать неприятные эмоции, как в тот день, и его тон стал мягче:

— Позволь мне взглянуть.

Поскольку левая рука Вэй Яня не разгибалась, Чэнь Цзыму помог ему снять одежду. По мере того как слой за слоем одежда уходила, казалось, должно было стать холодно, но тело Вэй Яня становилось всё горячее, словно огонь, который горел в его сердце, распространялся на каждую частичку его кожи. В конце концов, даже Чэнь Цзыму заметил неладное и, нахмурившись, спросил:

— Генерал, у вас жар?

— Нет, — ответил Вэй Янь, схватив его руку, которая всё ещё блуждала по его телу, слегка смущённо отводя взгляд. — Скоро пройдёт.

Чэнь Цзыму не поверил и, проверив его пульс, сказал:

— Вы потеряли много крови, а последние ночи плохо спали. У вас сильный внутренний жар и недостаток ци и крови. Это крайне вредно для заживления раны.

— В дальнейшем я буду внимательнее, — сразу же заверил Вэй Янь.

Его серьёзный вид заставил последние остатки раздражения в сердце Чэнь Цзыму исчезнуть. Он начал снимать белую марлю, перевязывающую рану:

— Сегодня уже меняли повязку?

— Ещё не успел...

— Мм, днём, чтобы избежать трения одежды о рану, нужно перевязывать, но в палатке лучше снять марлю, чтобы рана дышала. Постоянное нахождение под повязкой вредно. — Сняв марлю, Чэнь Цзыму, избегая раны, накинул на Вэй Яня верхнюю одежду, а затем вышел из палатки, чтобы послать часового за Чжан Цином.

Рана Вэй Яня была далеко не такой незначительной, как он говорил. Если бы крюк Хэлянь Чуньфэна сместился на полцуня, он мог бы перерезать его главную артерию. Хотя сейчас он избежал смертельной опасности, рана была настолько большой, что даже после наложения швов выглядела ужасающе.

Чжан Цин вскоре принёс аптечку и, увидев двух мужчин в палатке, инстинктивно хотел преклонить колени перед Чэнь Цзыму. Однако, получив взгляд от последнего, он едва сдержался, выпрямился и, сложив руки в приветствии, сказал:

— Генерал Вэй, господин Чэнь.

Вэй Янь, у которого была ранена левая рука, лишь слегка кивнул в ответ:

— Пожалуйста, помогите мне с лекарством, лекарь Чжан.

— Хорошо.

Чжан Цин достал из аптечки мазь от ран, набрал немного на палец и уже собирался нанести её вокруг раны, как вдруг заговорил Чэнь Цзыму, до этого молчавший:

— Я сам.

— Это... — Чжан Цин с испугом посмотрел на Чэнь Цзыму, хотел сказать, что князь не должен заниматься таким, но, вспомнив о его нынешнем статусе, лишь дрожащими руками передал ему мазь. — Тогда... тогда прошу вас, господин.

Чэнь Цзыму вытер руки платком, набрал немного мази и аккуратно распределил её по ране Вэй Яня. Затем он просмотрел рецепт лекарств, которые ранее прописал Чжан Цин. Вэй Янь, видя, что всё в порядке, сказал:

— Уже поздно, лекарь Чжан, идите отдыхать.

Чжан Цин, однако, колебался, взглянув на Чэнь Цзыму, и только после его кивка собрал аптечку и ушёл.

После его ухода оба немного помолчали, но Чэнь Цзыму первым нарушил неловкую тишину:

— Генерал, вы избегали меня эти дни лишь из страха, что я неправильно пойму причину вашей раны?

— Есть и мои собственные причины. — Вэй Янь, наблюдая за выражением лица и поведением Чэнь Цзыму с Чжан Цином, подтвердил свои догадки и, наконец, снова решился, подняв взгляд на человека перед собой. — Цзыму, могу я задать тебе вопрос?

Чэнь Цзыму сжал кулаки в рукавах, уже догадываясь, о чём пойдёт речь, но в глубине души он не хотел отказывать. Почти без колебаний он кивнул:

— Спрашивай, генерал.

— Я задам только один вопрос. Ответ мне честно, и я никому не скажу ни слова. В дальнейшем, пока ты сам не захочешь говорить, я не буду больше задавать вопросов или говорить что-то, что может поставить тебя в неловкое положение. — Вэй Янь сделал паузу, глядя на него, и спросил. — Ты посланник императора?

Он думал, что если, как говорил Вэй Линь, эта война не просто борьба за территорию между двумя странами, а связана с внутренними раздорами и сговорами в их собственных дворах, то есть четыре силы, противоборствующие друг с другом.

Если исключить его самого, который не получил никаких сообщений от императора, и других солдат армии Чжэньбэй, то среди этих четырёх сил только нынешний правитель Жаньина не участвовал в этом.

Император не глуп. Если даже военный Вэй Линь почувствовал запах заговора, император не мог оставаться бездействующим.

А появление Чэнь Цзыму было слишком своевременным, как раз перед крупным сражением. Его выдающиеся медицинские навыки и ум, а также иногда проявляемая решительность и достоинство, скрывающие его личность в опасной пограничной армии, заставляли Вэй Яня думать, что он действует по приказу императора.

И, возможно, это было его воображением, но в отличие от осторожности, с которой он вёл себя в начале, в последнее время Чэнь Цзыму, казалось, намеренно давал ему понять некоторые намёки, включая глубокий анализ ситуации в Цанчуане в тот день и явное управление Чжан

Цином только что.

Чэнь Цзыму тоже посмотрел на Вэй Яня, их взгляды встретились, и под его пылающим взглядом он медленно улыбнулся:

— Да.

Вэй Янь не ошибся. Действительно, он намеренно давал ему некоторые сигналы, но Вэй Янь оказался более проницательным, чем он ожидал, и даже этот вопрос был задан с должной сдержанностью.

Однако он не ожидал, что, прежде чем он успеет что-то сказать о своей раскрытой позиции, мужчина внезапно проявит свою сильную сторону, здоровой правой рукой резко притянув его к себе.

Получив желаемый ответ, Вэй Янь больше не хотел анализировать, какую же роль играет Чэнь Цзыму, заслуживший доверие и благосклонность императора, и заставляющий главного лекаря Императорской лечебницы, занимающего пятый ранг, так дрожать.

Сейчас он хотел только сказать то, что давно собирался.

— Я не знаю, сколько из того, что было между нами за последние несколько месяцев, было правдой, а сколько — ложью. Я лишь надеюсь, что, слушая мои следующие слова, передо мной будет настоящий ты.

Вэй Янь, казалось, нервничал, Чэнь Цзыму даже почувствовал, как всё его тело внезапно напряглось. В следующую секунду он услышал:

— Я люблю тебя. Если ты не чувствуешь ко мне ничего, пусть это останется моей односторонней любовью. Но если мне посчастливится вызвать в тебе хоть малую симпатию, то отныне и вовеки, ни на небесах, ни в преисподней, я, Вэй Янь, никогда тебя не предаю.

Сказав это, Чэнь Цзыму не сразу ответил, лишь ошеломлённо смотрел на него. Вэй Янь не торопился, терпеливо ожидая.

Прошло неизвестно сколько времени, Вэй Янь поднял руку, которая всё это время лежала на талии Чэнь Цзыму, поддерживая его затылок, и медленно приблизился:

— Цзыму, я даю тебе возможность отказаться.

На этот раз Чэнь Цзыму не промолчал. Он двинулся, и когда Вэй Янь подумал, что он оттолкнёт его, он резко прижался, их губы слегка коснулись друг друга, но лишь на мгновение, прежде чем быстро разъединиться.

Свойственный Чэнь Цзыму чистый и мягкий голос произнёс:

— Моя любовь к тебе — больше, чем просто наполовину.

В этот момент в голове Вэй Яня будто взорвались бесчисленные фейерверки, яркие и ослепительные, красивые и нереальные.

Он смотрел на Чэнь Цзыму, несколько раз открывая рот, но не мог издать ни звука, слыша только, как в его груди раздавались громкие, как боевой барабан, удары сердца.

— Что, опешил? — Чэнь Цзыму с улыбкой помахал рукой перед его глазами.

Вэй Янь прижал голову Чэнь Цзыму к своей груди, позволяя ему почувствовать своё волнение, и спустя долгое время глубоко вздохнул:

— Это не галлюцинация из-за моей тяжёлой раны, правда?

Чэнь Цзыму сам обнял крепкую талию мужчины. На самом деле, он тоже был далёк от спокойствия, ощущение от того короткого касания всё ещё оставалось на его губах, долго не исчезая.

Прожив двадцать три года, он никогда не считал себя импульсивным человеком. В дворцовых интригах и заговорах малейшая ошибка могла стоить жизни, поэтому с самого рождения каждый его шаг был предельно осторожным.

Но только на этот раз он не мог больше холодно анализировать ситуацию, не мог убедить себя, что правильно, а что нет. Даже зная, что впереди — бездонная пропасть, сейчас он ни за что не хотел отступать.

Они так тихо обнимались долгое время, и когда Вэй Янь наконец немного успокоился, он поцеловал покрасневший кончик уха Чэнь Цзыму и мягко спросил:

— Уже поздно, ты, наверное, устал?

Чэнь Цзыму действительно устал, но в эту ночь, когда они наконец открыли свои сердца друг другу, ему было жаль сразу засыпать...

<http://bllate.org/book/17724/1656789>